

ГЛ. 1

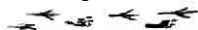

Я стояла, ждала автобус и ощущала, как под ногами проносится поезд.

Станция метро была неглубокая. Если верить «Википедии» — всего восемь метров. И это знание вызывало у меня чувство непонятной тревоги. Казалось, что сейчас асфальт провалится в тоннель, прямо на несущийся состав. Попадают люди, автобусы, маршрутки. Больше никто не будет кричать: «Кинешма — Иваново»...

Поезд снова загрохотал где-то под землей, а к остановке наконец-то подъехал автобус, чтобы отвезти меня вглубь района.

Утрамбовавшись в салон и зависнув между поручнем и огромным рюкзаком какого-то туриста, я закрыла глаза. Мне постоянно хотелось спать, а особенно сильно клонило в сон, когда я вспоминала о предстоящей дипломной работе. Огромный холст лежал дома и ждал, пока я про него вспомню. Тему мне утвердили совсем недавно, я уже успела забыть, что хотела рисо-

вать, и теперь надо заново придумывать. Или искать заметки.

— Девушка, вы на следующей выходите?

В автобусе стало заметно свободнее, я открыла глаза и пропустила рюкзак поближе к двери. Еще через пару остановок можно было сесть, я ехала до конечной.

Рядом с лесом стояла моя обезличенная панелька с какими-то потрепанными аистами на крышах подъездов, через двухполосную дорогу начинался сам лес. Я здесь часто гуляла, когда училась в школе. Зимой мы даже ходили сюда на лыжах с классом. Поход в лес я любила, а лыжи нет. После школы я в лес почти не ходила, то было некогда, то не с кем. Туда теперь навещалась только моя бабушка, причем в любую погоду и обязательно до полудня. Не знаю, с чем была связана эта странность, но она мирилась же с моими загонами, поэтому я не лезла в ее.

Зевая шире, чем открывались двери лифта, я добралась до квартиры, включила свет, поставила разогреваться ужин. Бабушка попросила порезать салат, поэтому я, игнорируя холст, решила заняться тем, на что точно потрачу не больше получаса. Пока я превращала огурцы в неровные кубики, мысли бродили вокруг темы. Достаточно странной темы.

Работа должна была называться «Последний знающий», я это придумала в октябре, когда нас всех спрашивали, что мы будем рисовать на диплом. Еще решила выпендриться и написать «ЗНАЮщий». И что я вообще имела в виду?

С октября я про диплом не вспоминала. А уже надо было предоставить несколько миниатюр для утверждения, только у меня не было ни одной дельной мысли.

Бабушка вернулась с работы, опять пожаловалась, что скоро ее сократят и придется выходить на пенсию. А потом добавила, что ей уже так надоело кататься на предприятие, там из стариков совсем никого не осталось. Не с кем поговорить.

Я слушала эту историю и улыбалась. Хотя моя старушка и переживала, что ей нечего будет делать на пенсии, занятие она себе давно уже придумала. И это занятие с начала зимы стояло у нас на окне и выращивало какую-то зеленую слизь в банке.

— Это хлорелла, полезно для почвы, — говорила бабушка каждый раз, когда я порывалась избавиться от банки.

— Ну хлорелла так хлорелла, я рисовать.

Мысленно я обещала себе, что, когда бабушке надоест возиться с этим органическим удобрением, я его выкину. Собственноручно. Слизь к тому же периодически странно двигалась в банке. Надеюсь, мне просто глючилось от тревожности.

Опять я просидела перед холстом до трех ночи, но так ничего и не придумала. Беспокойная бабушка вставала каждые полчаса, ворчала, что я еще не сплю, и уходила обратно. В итоге сон победил, и я провалилась в черную дрему до будильника.

К счастью, на следующий день мне никуда не надо было ехать, поэтому я выключила раздражающую музыку и разрешила себе спать дальше.

Заканчивая школу, думаешь, какая же крутая жизнь у студента, столько всего происходит. Становясь студентом, начинаешь гадать, как же свободно живет тем, кто уже завершил обучение и теперь просто работает. И каждый раз это одни и те же грабли. После вуза, особенно когда во взрослой жизни случается

какой-то лютый факап, хочется вернуться назад, туда, где многое за тебя решали родители и ответственность несли они, а не ты. Почему-то я была уверена, что у меня в итоге возникнут именно такие мысли. Не знаю, что ощущали однокурсники, да они и не стремились это рассказывать.

Я так ни с кем и не подружилась в вузе, как была в школе замкнутым воробышком, так и осталась. В творческой атмосфере было проще спрятаться, свернуться у холста в улитку, и никто тебя не трогает. Не зовешь общаться, и не надо.

Я снова вернулась к замученному пустотой холсту и села рядом. Чтобы не смотреть на белое пространство в тишине, я включила свой любимый плейлист. Эти песни могли крутиться по сто раз одна за другой, и образы не надоедали.

Говорят, что лучший способ закончить работу — хотя бы начать ее. Я взяла карандаш, попыталась найти клячку, которую всегда держала под рукой, но она куда-то пропала, как и все ластики. Поэтому я просто стала набрасывать миниатюру в маленьком блокноте.

Идея приходила постепенно. Сначала я видела ее пятнами, яркими желтыми, с голубыми всполохами. Это должна была быть игра контрастов. А еще смыслов, символов, всего того, что я успела прочесть по запросу слова «знающий», пока искала заметки. Как назло, ни заметок, ни сохраненных статей на эту тему у меня не оказалось. Откуда вообще взялось это название?

Карандаша стало мало, я начала подбирать краски. В чате нашего курса написали, что завтра крайний срок, когда можно принести сырую работу. Опять я все оставила на последний день. Хорошо, что не на час, как это было на первом курсе.

От воспоминаний о первой сессии я содрогнулась.

Плейлист дошел до конца и начался заново. Была секунда тишины, которая оказалась оглушительной и буквально выкинула из головы все мысли.

А когда они вернулись, я словно увидела эту работу: заканчивался тоннель, скорее всего это метро, я такие стены видела на фотографиях на стенах новой станции, а за тоннелем золотое, с зелеными пятнами поле. В поле лежал человек. Одет обычно, так сейчас модно — пальто, широкие брюки, белые кроссовки. На нем была еще шляпа. Правда, теперь она отлетела и валялась где-то в траве.

Человек был ранен, из его ран росли молодые побеги.

Поле осеннее, золотые колосья уже перезрели и стали осыпаться, а среди них торчали сухие цветы.

Мне кажется, этот человек что-то знал, хорошее или плохое — непонятно. И его за это знание убили.

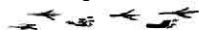
Да, его точно убили, после таких рубленых ран не выживают, даже в кино.

Таким мне снова представился «Последний знающий», самую первую свою идею я уже давно не помнила, а эта мне понравилась. Одиноким молодой человек, жизнь которого завершилась таким жутким образом, вокруг больше никого. Только поле, которое стало для него могилой.

Когда бабушка вернулась с работы, я почти закончила картину. Про обед так и не вспомнила, зато была очень довольна результатом.

— Опять не поела? Что хоть нарисовала? Снова страсть свою?

— Нет, не страсть, смотри, сколько света. — Я улыбнулась.

Бабушка покачала головой:

— Откуда ты только берешь эти образы...

Ответ ей был не нужен, мы давно уже перестали с ней ругаться на тему того, что я делаю. Просто обе поняли, что живем в разных мирах и бесполезно перетаскивать друг друга на свою сторону. Бабушке очень не нравились картины, которые я рисовала, она считала, что я к себе приманиваю все темное в этом мире. Надо создавать светлое, чтобы в жизни было больше света, а тьмы и так достаточно, весь интернет во тьме.

— Спать чтобы легла нормально!

— Хорошо, баб.

Я решила отвезти картину в вуз, чтобы там ее закончить, а заодно и показать куратору. Откопала подходящую сумку, замотала холст в газету и поехала в институт. Телефон забыла поставить на зарядку и надеялась, что он доживет до аудитории, где можно воткнуться в свободную розетку и не переживать, что связь с миром прервется.

Автобус, метро, убаюкивающие шумом поезды. Я проснулась, когда пропустила свою станцию, выскочила из вагона, еле проскочив в закрывающиеся двери, и только на платформе поняла, что забыла холст. Состав махнул мне хвостом и скрылся в тоннеле.

Мир сузился до одной точки удаляющихся фар, а потом и вовсе растворился в темноте. В смысле я оставила холст?!

Я ругнулась так, что дежурящие на станции полицейские посмотрели на меня косо.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, была страшной: картину надо рисовать заново. Вторая оказалась более логичной: позвонить в отдел находок метро и спросить про холст. Я надеялась, что, пока ищу

номер, куда звонить, какая-нибудь добрая душа отнесет мою картину дежурному по станции и тот, в свою очередь, передаст ее на склад забытых вещей. Я в панике гнала мысль, что картина потеряна безвозвратно. Я же только ее нарисовала. Ну как можно было ее забыть? Сегодня же последний день сдачи, если я сегодня не привезу хоть что-то, деканат меня повесит, буквально.

Смысла ехать в универ не было, поэтому я села в поезд до дома, подключилась к вайфаю в вагоне и стала искать контакты отдела находок метро. Позвонить я решила, когда окажусь в тихом месте, где-нибудь на улице во дворах, а не на шумной станции. Заодно этого времени должно хватить, чтобы моя картинка добралась до склада.

В очередном перегоне вайфай отвалился, я включила загруженный в память телефона плейлист и закрыла глаза. К счастью, зарядка пока что позволяла.

У студента в метро, как у собаки Павлова, срабатывает рефлекс: сел — заснул.

Я снова вырубилась.

* * *

Красная лампочка мигала, била прямо в глаз. Гудело электричество. Я хорошо знаю этот звук: когда поезд в тоннеле останавливается, все разговоры прекращаются и ты просто сидишь и ждешь, когда мы все поедem дальше. А вокруг гудит. Оглушительно громко гудит. Только обычно в этот момент лампочка не мигает, просто горит свет в вагоне и все терпеливо ждут. А в первом вагоне машинист переговаривается с диспетчером, слушает номера составов и ждет команды.

Я открыла глаза и села. Лампочка висела прямо надо мной и с тихими щелчками гасла и загоралась вновь. Поезд стоял на станции, открыв все двери, даже со стороны стены. Кроме меня, в вагоне больше никого не оказалось. На станции в принципе вообще никого не было: ни дежурных, ни уборщиков, ни патрульных полицейских. Стоял полумрак, местами мигали те самые раздражающие красные лампочки, и непрестанно гудело электричество.

Сколько же я спала?

Я потеряла лицо, встала и вышла из вагона; меня немного шатало и подташнивало.

— Ложись!

Меня оглушил чей-то вопль, а потом грохот. Станция содрогнулась, и я упала на пол.

— Уходим! Нет, стой! Прячься, прячься!

Моментально нахлынувшая паника отключила все эмоции. От беспорядочных команд у меня закружилась голова, и я быстро на корточках вернулась в вагон и села между сиденьями в самом углу. Мозг лихорадочно пытался вспомнить, планировались ли сегодня какие-нибудь митинги, не предупреждал ли кто в телеграмме об акциях и в принципе о каких-либо слухах про внезапные нападения. Память была пуста. Я никогда не сталкивалась с беспорядками, всегда обходила стороной толпы, свято была уверена, что темная часть человеческой жизни меня никогда не коснется. И обычно не касалась. В спальном районе, который я редко покидала, ничего не происходило. К счастью.

Я огляделась в поисках того, кто кричал: в воздухе клубилась пыль, а пол был усыпан стеклянной крошкой от выбитых окон. Как оказалось, пряталась здесь

не я одна. В паре метров от меня лежал какой-то мужчина и крутил антенну у рации.

— Прием-прием, штаб! Штаб, прием! Черт, не ловит. Мужчина опустил рацию и посмотрел на меня.

— Вроде станция неглубоко находится, а все равно не ловит, — с досадой сообщил он мне. — И бутылку за был, можно было бы через воду позвать.

Я неопределенно кивнула, не зная, что сказать. Обычная конечная, пути в одну сторону, пути в другую. Странное место для боевых действий. Как комментировать воду, я вообще не поняла.

Пылевое облако немного рассеялось, мужчина аккуратно забрался на сиденье и выглянул на платформу.

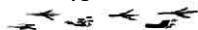
— Пусто, идем.

Я даже не стала спрашивать, почему мне надо идти с ним. Как минимум я не понимала, что происходит, как максимум он что-то точно понимал. По крайней мере, знал куда больше меня. Паника не отпускала, билась где-то в районе подбородка тревожным сгустком. Я попробовала выяснить, что я чувствую, — ничего. Просто отупение и ожидание дальнейших событий. Так всегда: в момент, когда хуже уже быть не может, ты просто смиряешься и ждешь, когда твои догадки либо подтвердят, либо опровергнут.

Один выход со станции был завален полностью, а возле второго стояли двое: кажется, дружелюбные «наши». Они отмахивались от остатков дыма и стряхивали цементную крошку с волос.

— Эй, чуваки, — мой незнакомец помахал рацией, — вы там как?

— Если бы не взрыв, было бы лучше, — усмехнулся один из них.

Я пригляделась и увидела, что у него за поясом заткнут топор. Подходить к мужчинам сразу резко захотелось. Я затормозила и нервно оглядела всю станцию целиком. Здесь ничего не изменилось, за исключением урона от взрыва и кучи листовок, которые развесили по колоннам и стенам.

— Хорошо, что никого не завалило, — проговорил второй.

У него я никакого оружия не заметила, правда, он мог прятать его под лапами широкого пальто. Такое пальто было нарисовано на картине. Я расстроено подумала о потерянном дипломе.

— Что вообще произошло? — снова заговорил тот, что с топором. — Вроде тихо должно быть.

— По улице шел рейд. Они в спальные районы обычно редко заглядывают, чисто для галочки, и в метро не спускаются, я с шоссе сюда ушел от них, а потом рвануло. — Молодой человек в пальто засунул руки в карманы.

— То, что рвануло, это мы все заметили.

Мужчина с топором меня очень беспокоил. Мне постоянно казалось, что он сейчас начнет истерить или размахивать своим оружием, потому как говорил он с претензией в голосе, всем своим видом показывая, насколько он недоволен, крайне недоволен и вот-вот сорвется.

— Взрыв — это, скорее всего, акция протеста, — вклинился третий. — Такие взрывы были еще на соседних станциях. Еще должно бы рвануть у МЦК, но, видимо, не успели подготовить.

Мы все разом повернулись к говорившему.

— Твоих рук дело? — уточнил парень в пальто.

— Да ты что! Я вообще в этом не разбираюсь.

